

Дизайн автора

В ОДИНОЧКУ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

У нее на столе под стеклом лежала большая цветная фотография из журнала: "Шестнадцатилетний капитан Робин Ли Грэхем идет на яхте в одиночку вокруг света". Это был ее символ жизни.

- Что я здесь делаю? - говорила она, вернувшись после отпуска на Онеге. - Зачем все это? Я должна жить у костра...

Подтянутая, со смуглым, как бы подпеченным у того костра лицом, на котором усмехались большие приветливые глаза, с пробивающейся в гриве жестких черных волос ранней сединой, она останавливала на себе взгляды мужчин. Но было в ней и что-то смилившееся, вдовье. Про таких, неожиданно для себя потерпев поражение, мужчины говорят: "Она отличный товарищ".

Мужа, тренера по водному поло она не любила, женского счастья от него не знала - "любовь - это только кровь и боль". Для нее истинное, что было заключено в любви, выражалось иначе - в трепете соприкосновения двух рук. Мужчины с ней недолго удерживались в амплуа сильного пола, победителей - она топила их в своей заботе и доброте и потом нянчилась с тем, чем они становились, - оказывается, в няньке они больше всего и нуждались. Бедняги... Она чувствовала человеческие нужды. Получалось что-то вроде постоянного самоотречения - ее проклятие, ее крест. "Нельзя быть такой доброй, нельзя, нельзя!" - словно в отместку вдальбивал ей какой-нибудь очередной дошлый пораженец.

Доброта... А не презрение? Людей она, по ее словам, презирала. Не всех, нет, не всех. Были умницы, единицы... выражение глаз которых было как пароль, что свой. Но большинство - эти лица, на которых было все, чем жили, что допустили и как были наказаны, эти глаза, в которых поражение было замешано на неприкрытой корысти, эти руки, уже без стыда, по рефлексу житейского опыта готовые хватать прежде других... Но именно перед такими она и испытывала как бы постоянную свою вину. Доходило до парадоксов. Если она, скажем, организовывала какую-нибудь эксклюзивную автобусную экскурсию (кто не захочет в рабочее-то время!), то сама уже и ехать не могла - как бы не имела права на место. Это как с детьми - ради них отказывать себе в лакомом кусочке. Она была по поводу других в вечных хлопотах.

- Ну зачем мне все это? Я ведь одиночка, села вот здесь, - она отмеряла ладонями требуемое ей пространство, в половину ее канцелярского стола, - и все, и не мешайте мне! - А через минуту уже мчалась куда-то на чей-то зов.

Люди к ней липли, как - иначе и не скажешь - мухи к меду. Обиженные - чтобы быть выслушанными и утешенными, удачливые - чтобы им было воздано по их заслугам.

Это поразительно: при всем том, что было у нее под спудом, она умела восхищаться каждым, находила-таки что-то... Кто не нуждается в уверенности в себе? Она возвращала ее каждому!

По утрам ей изливала душу уборщица Нюра, коротенькая, невзрачная женщина с то и дело заплаканными глазами: нелегко одной поднимать сына, а тому и в музыкальную школу нужно, и в кружок керамики, и шерстяной костюмчик... Ей удалось убедить мужа, и они в своей машине повезли ее вместе с сыном за город, на залив - "пусть развеется". Пришло к тому, что уборщица

"из благодарности" почти перестала убирать в комнате, и она, придя пораньше, быстро- быстро, тайком, чтобы коллеги не застали, вытирала за нее пыль со столов.

Для сынка этой уборщицы она приносила подарки, хотя был у нее в свой. "Он у меня такой страшненький". Любила ли она своего. Конечно, что за вопрос? Но по общепринятым меркам она была плохой матерью. Она никогда не думала: "А как он там сейчас?" То же и с мужем.

Дома она готовила, обшивала, стирала, не разгибая спины, - она была отличная хозяйка! - и все-таки не имела семьи. Однажды, когда сын был еще маленьким, пятилетним, и лежал с воспалением легких в больнице, она явилась после работы в его палату с целой сумкой купленных в обеденный перерыв игрушек - "все-таки дети". Детей было много. Она шла вдоль всего ряда кроватей, и, вынимая из сумки, дарила каждому: "Это тебе, это тебе, это вот тебе". Сумка быстро легчала, и вдруг она с ужасом почувствовала, что игрушек может не хватить. Сын ее лежал с краю, у окна, - вернее, он сидел, гордый за маму, и терпеливо ждал, когда она подойдет к нему. Последнюю игрушку она отдала его соседу: "Это тебе", - и, остановившись перед сыном, растерянно распахнула сумку: "А тебе не хватило..." Она смотрела на него умоляющими глазами, не в силах даже сказать что-нибудь вроде "а тебе я сейчас, через час, завтра принесу", и он, бледненький, потрясенный, вдруг что-то понял и не заплакал.

Себя она считала неудачницей - "все не так пошло", дурой - "мне все время стыдно, что я занимаю чье-то место", некрасивой - "старая тетка". Правда, иногда она бунтовала: "Я не могу больше так ходить, я хочу одеться, как все! Я хочу шубку, сапожки, меховую шапку!" - все деньги уходили на квартиру и машину, - но муж только громко ("как мужлан") смеялся: "Для меня ты хороша вовсе без всего".

В учреждении жили недружно, разбившись на комнаты. Каждая комната гнула свою линию, и все-таки все эти всеером расходившиеся линии сходились именно там, где сидела она. Точно каждая из комнат нуждалась в ней, чтобы затем настаивать на своем.

Накануне Нового года она пришла на работу раньше всех, и когда стали появляться коллеги, в углу, источая этот всегда удивительный новогодний запах, топорщилась елочка с мандаринами на ветках и ликерными наперсточными бутылочками (друзья привезли из Италии). Под елкой, рядом с самодельным Дедом Морозом, у которого была бумажная, мелко настриженная, завитая борода, каждого ждали подарки: чашки в деревянных подстаканниках, по пакетику бритвенных лезвий "Жиллет" для мужчин и ридикюль для единственной, кроме нее, сотрудницы. Мужчины, конечно, повосторгалась, известив, что одним "Жиллетом" можно бриться целую неделю, а ридикюль тут же исчез в женской, разящей духами сумке. Она выглядывала из-за шкафа, выгораживающего ее стол, ее рабочее место, и больше страдала, чем радовалась: все такое жалкое, бедное, - наверное, им не понравилось ...

Работы в этот день почти не было, и к полудню сотрудники стали потихоньку запирались в своих комнатах, доставать, треща калькой, припасенное, а уже через полчаса перебегать из комнаты в комнату с раскрасневшимися лицами и оживленными голосами.

А в их комнате все как-то не складывалось. Надо было пригласить сюда шефа. Без шефа, заявил Виктор Иванович, он лично принимать участие в "трапезе" не сможет. Виктор Иванович был членом профкома и, не выше, чем она, оценивая руководящие способности их шефа (песенка того была уже спета, и все нетерпеливо ждали его ухода), тем не менее считал со всех точек зрения несправедливым и нетактичным "манкировать" его. "Лежачего не бьют", - с достоинством пояснил он. Она прикусила запястье и злобно блеснула в его сторону глазами - это была демагогия.

Виктор Иванович, человек во многих отношениях талантливый, был ее постоянным дуэлянтом. Как бы втайне восхищаясь ею, он, однако, всякий раз находил нечто, что можно было и противопоставить. Ах, этот еще далеко не старый, хотя уже и не молодой Виктор Иванович с седыми висками! Пожалуй, он больше, чем кто-либо, потратил слов, поучая ее, как жить. Он и следовал своей безукоризненно выверенной системе, неся себя осторожно, как чашу, полную до краев, по всем колдобинам жизни. Для кого же он так берег себя, он, чуткий, внимательный и тонкий? Будет ли кому испить из той чаши в конце такого бережливого пути? А вдруг там никто

не ждет? "А вы, голубушка моя, таким макарон не донесете и вовсе ничего! - горячился он. - Вас выпьют, до дна! Зачем же себя так тратить? Человек ведь неповторим именно в том, что оставляет для себя самого".

До прямого ухаживания Виктор Иванович не опускался, но что-то между ними было, что-то не отпускающее, и как она ни пыталась рвануться в ту или иную сторону, "чтобы ясно! чтобы так или так" - он, сделав в соответствующем направлении несколько маленьких шажков, снова устанавливал это мучающее ее равновесие. Это была затянувшаяся на годы беспроигрышная, но и безвыигрышная игра. Будто и в самом деле из его чаши ни капли не проливалось...

И все-таки подарки, как понимал Виктор Иванович, были на этот раз неспроста. Потому что появился он, Андрей, более молодой и более красивый, а главное, такой легкий, размашистый, гибкий на поворотах. Тут же стал называть ее "мать", что посягало на приоритет Виктора Ивановича, который каждый раз морщился, но так, чтобы только она видела. Поговаривали, что Андрея взяли с прицелом на шефское кресло.

- Ну так что? Собираемся мы или нет? - весело спрашивала она Андрея, стоявшего у окна и от скуки пинавшего батарею отопления, будто именно он, а не носитель лучших традиций Виктор Иванович, должен был разрешить этот деликатный вопрос.

- Не знаю, - равнодушно пожимал плечами Андрей. - Как вы думаете, Виктор Иванович?

- Я уже свою точку зрения высказал, - сдержанно отвечал тот.

- Эх вы, а еще называетесь мужчины! - вскакивала она и начинала ходить по комнате, нервно потирая локти.

Между тем ее приглашали туда и сюда, но она с улыбкой мотала головой, давая понять, что у них "тоже будет".

После обеда Андрей вдруг, словно только что проснулся, сказал:

- Ну, скидываемся, что ли? Собирай наших. Я схожу в магазин. - И она, тут же просияв, выскочила за дверь. Коридор был длинный. Она восторженно глянула в обе его стороны и, прижав локти и наклонившись вперед, побежала разыскивать своих, громко стуча туфлями.

Вернулась она тихая и, неслышно, как тень, вдоль стенки пробралась к себе, скрылась за шкафом.

- Ну так скидываемся? - спросил Андрей.

- Это - ваше дело, - раздался ее тусклый голос.

Андрей раздраженно повел подбородком:

- Ну и компания... - и вышел, двинув плечом дверь.

День неумолимо двигался в ранние сумерки, площадь, с утра еще мокро блестевшая от оттепели, теперь покрывалась тонким слоем быстро машущих за окном рыхлых хлопьев, в плохо заклеенные щели поддувало, и она снова почувствовала себя брошенной и одинокой. Новый год, ее единственный праздник, идущий из детства, овевший им... Домой ей не хотелось. Опят придут мужнины друзья. Будут есть, есть, есть и пить.

В комнате больше никто не появлялся. Она подошла к елке и потрогала тяжело висющие бутылочки с ликером. Каждому полагалось по бутылочке. Почему они не взяли? Под елкой стояли все ее нетронутые чашки в глупых деревянных подстаканниках. Она резко, сверху сгребла их и поискала глазами корзину для мусора. Корзины на месте не было. Так предусмотрительная Нюра боролась за чистоту... Усмехнувшись, она швырнула чашки обратно, вернулась к столу, открыла портфельчик, спешно, суетливо, словно опаздывала, побросала в него валявшиеся на столе бумаги, щелкнула замочком, выпрямилась и, тряхнув волосами, пошла из комнаты.

До поздравлений со стороны директора оставалось полчаса. В коридоре было пусто, за закрытыми дверьми едва слышался конспиративный говор, но, выдавая его, повсюду реял праздничный дух застолья. Стараясь ступать неслышно, она, прямо глядя перед собой, шла мимо обращенных к ней дверей и загадочно, словно себе на уме, улыбалась.

1977